внешний облик героя обрисован более лаконично: «а как юноша начнет на том коне скакать, а конь под ним играть и от тех звонцов прегудения ум человечь исхитица».[1]

Поэма о Дигенисе Акрите свидетельствует о том, как стойко держался в народной среде Византии античный идеал доблести и красоты. Хотя отдельные мотивы поэмы чисто византийского происхождения, в судьбе героя и в его моральном облике многое восходит к позднеэллинистическому роману. Благодаря этому поэма оказала влияние и на рыцарскую литературу Запада. Вместе с тем следует отметить, что эллинизм византийской поэмы носит характер литературной реминисценции. Поэтичности описаний немало вредят риторика и черты стилизаторства.

В изобразительном искусстве Византии не создано было своего Дигениса Акрита. Но некоторые его черты дают о себе знать в византийских изображениях Георгия, особенно в памятниках XIV века, когда в освобожденной от владычества латинян столице вспыхнуло увлечение эллинизмом и византийцы охотно вспоминали подвиги Фемистокла и Эпаминонда.[2] В это время в искусстве меняется самый облик воина Георгия.

В живописи XI—XIII веков в Георгии обычно подчеркивалось его могучее телосложение, в его лице выделяются большие, широко раскрытые глаза, полные выражения горячей, почти фанатической веры. К подобным изображениям Георгия (рис. 3) хорошо подходят слова старинного текста — «и взгляд его вселял страх тем, кто на него смотрел».[3] Даже в тех случаях, когда святой изображается в качестве воина в полном вооружении, в его печальных глазах сквозит выражение мученика, пострадавшего за веру, проповедника, призывающего паству следовать своему примеру.[4] Чертами своего морального облика Георгий в живописи XI—XII веков существенно не отличается от Стефана, Лаврентия и других мучеников и проповедников.[5] И это служит доказательством того, что внешние признаки и атрибуты далеко не определяют смысл отдельных иконографических типов в византийском искусстве.

В живописи XIV века Георгий обычно стройнее, изящнее, в нем больше юношеского обаяния.[6] У него тонкая шея, покатые плечи, небольшая голова, в лице меньше подчеркиваются глаза. Во всем его облике сквозит энергия, почти рыцарский задор, и в этом он ближе к Дигенису Акрите, чем к Георгию, о котором рассказывается в житиях святых. Это касается и единоличных изображений Георгия, но особенно заметно в изображениях Георгия, поражающего змия.

В превосходной луврской мозаической иконе (рис. 4)[7] Георгий представлен в разгаре борьбы, в самый напряженный момент единоборства.

---

[1] М. Сперанский, ук. соч., стр. 159. В «Девгениевом деянии» сказано: «и взяв мечь свой и поскочи против него и удари его и отня ему все глава прочь» (там же, стр. 137). Сходная формула и в житии Георгия: «взем мечь и усече змия» (А. Рыстенко, ук. соч., стр. 25). Сличение трех вариантов русского перевода см.: В. Д. Кузьмина. Новый список «Девгениева деяния». Труды ОДРЛ, IX, стр. 343 и сл.

[2] Ш. Диль, ук. соч, стр. 59.

[3] J. Aufhauser. Das Drachenwunder des hlg. Geogr. Halle, 1910, стр. 164.

[4] Это относится и к образу Георгия в Кинцевиси XII века (Ш. Амиранашвили, ук. соч., табл. 88) и к образу Георгия в русской иконе Ивана Лествичника в Русском музее и др.

[5] Например, мозаика Михайловского монастыря в Киеве (История русского искусства. I. М., 1953, стр. 209).

[6] Напр. икона ГИМ см.: O. Wulff und M. Alpatoff. Denkmäler der Ikonenmalerei. Dresden, 1925, стр. 126, 273—274, рис. 51 (возможно, с о. Аморгос, см.: И. Мысливец, ук. соч., стр. 322).

[7] В. Н. Лазарев (История византийский живописи. М., 1947, табл. 304, стр. 221) правильно отмечает сходство с мозаиками Кихрие Джами.